Р.А. Ромашов

ДИСБАЛАНС ПРАВА

В статье рассматривается право в качестве единой целостной нормативной системы, в рамках которой, по мнению автора, следует выделять находящиеся в состоянии дисбаланса общности традиционного и новационного, международного и национального, публичного и частного права.

Ключевые слова: право, нормативная система, правовые нормы, традиционное право, новационное право, международное право, национальное право, публичное право, частное право, государственная деятельность, государственный строй.

R.A. Romashov

THE IMBALANCE OF LAW

The author of the article offers to consider the law as a unified holistic normative system within which should be allocated in a position of imbalance communities of traditional and innovation, international and national, public and private law.

Keywords: law, normatively system, the rules of law, customary law, innovatory law, international law, domestic law, public law, private law, state activity, state system.

Традиционно право воспринимается в качестве единой целостной нормативной системы, при помощи которой в государственно-организованном обществе определяются, получают свое формально-юридическое закрепление и реализуются общезначимые правила поведения — правовые нормы. Вместе с тем в современной юридической науке такое видение права подвергается существенной коррекции, что обусловливает состояние дисбаланса как в теории правопонимания, так и в юридической практике правотворчества и правореализации.

Дисбаланс — нарушение баланса (равновесия) — представляется свойством любой системы, формирующейся и развивающейся под воздействием нескольких противоположных тенденций: сохранения — разрушения (автаркии); централизации — децентрализации; симметричности — асимметричности; баланса — дисбаланса. Баланс элементов системы является следствием преодоления дисбаланса и одновременно его предпосылкой.

В системе права тенденции дисбаланса могут проявляться в следующих основных коммуникационных сферах:

традиционное — новационное право;

международное — национальное право;

публичное — частное право.

Мы намеренно не включили в приведенный перечень дисбаланс системы права и системы законодательства, поскольку применительно к заявленной теме считаем законодательство одной из юридических форм выражения правовых предписаний и в таком понимании не сопоставимом с правом как целостным понятием.

Дисбаланс права представляет собой объективное условие существования и трансформации правовой среды, которое в зависимости от обстоятельств может

© Ромашов Роман Анатольевич, 2015

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности, заслуженный деятель науки России (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов)

оказывать на систему права как разрушительное (деструктивное), так и созидательное (конструктивное) воздействие.

В рамках предлагаемой статьи мы постараемся показать особенности проявления дисбаланса в названных правовых средах с тем, чтобы в дальнейшем высказать предложения по их оптимизации.

Традиционное и новационное право. Право является продуктом целенаправленной государственной деятельности и вместе с тем результатом социально-культурного развития общества, формой общественной традиции, столь же устойчивой и подверженной изменениям, как национальный язык. Изменение государственных форм облекается в правовые акты и влечет изменения в инструментах и механизмах правового регулирования. Эволюционные трансформации государства приводят к последовательным, опирающимся на предшествующий опыт и традиции изменениям в правовой области. Напротив, революционные катаклизмы, в рамках которых происходит ломка традиционных общественных и государственных укладов, предопределяют отказ от ранее существовавших и признанных в «новых условиях» устаревшими или, более того, вредоносными правовыми положениями и принципами.

Дисбаланс традиционного и новационного права присутствует как в эволюционных, так и в революционных преобразованиях. При этом наиболее ярко он проявляется в т.н. переходные периоды, когда традиционное право уже утрачивает свое фактическое регулятивно-охранительное значение, а новационное право еще не обрело свою реальную юридическую функциональность. Естественно, наиболее остро дисбаланс такого рода проявляется в революционной обстановке. Период между «старым» и «новым» государственным строем характеризуется обстановкой социально-правовой аномии, называемой некоторыми учеными (Ю.Ю. Ветютнев, Р.А. Ромашов, Е.Н. Тонков) правовым хаосом. В условиях правового хаоса право как система публичного регулирования, основанная на системе общепринятых и общепринимаемых правил и гарантий, фактически не работает, уступая верховную роль «праву сильного». Стабилизация социально-политической обстановки, связанная с выстраиванием «вертикали власти», сопровождается усилением позиций новационного права, которое со временем приобретает качества сбалансированной правовой системы, обеспечивающей сохранение и развитие нового государственного и общественного строя, который со временем начинает восприниматься в качестве традиционного и постоянного, что в свою очередь может послужить предпосылкой возникновения дисбаланса между устоявшимися общественно-правовыми отношениями и возникающими в их недрах политико-правовыми новациями.

Международное и национальное право. Соотношение международного и национального права, как правило, рассматривается в двух аспектах:

национальное право является производной частью международного;

национальное и международное право являются самостоятельными правовыми системами.

В рамках первого аспекта международное право давлеет над национальным, соответственно национальные (государственные) интересы выступают в качестве вторичных (менее значимых), по сравнению с интересами международного сообщества, поскольку в основу последних положены «общечеловеческие» ценности. В этом случае дисбаланс связан с гипертрофированным значением международного права, положения и принципы которого в ряде случаев начинают

насильственно навязываться странам, отнесенным к числу государств «изгоев». Наглядный пример проявления такого дисбаланса — международно-правовая политика «развитых» стран, включая Российскую Федерацию, по отношению к Сирии.

Рассмотрение национального и международного права в качестве автаркичных образований предполагает разграничение национальных и международных интересов. При этом включение норм международного права в национальную правовую систему и признание его приоритета по отношению к национальному законодательству происходят не в любом случае, а лишь тогда, когда международные нормы и стандарты не противоречат публичным интересам государства. В связи с таким подходом в современной России следует говорить о дисбалансе конституционных положений, закрепляющих приоритетное положение международного права в правовой системе России без каких бы то ни было оговорок и современной правоприменительной практики, основывающейся на первоочередном значении именно национальных интересов Российской Федерации. Следствием выявленного дисбаланса служит открытая критика со стороны ряда руководителей страны самого принципа верховенства международного права. В частности, в своем опубликованном докладе Председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин предложил исключить из Конституции РФ положение «о безусловном приоритете норм международного права над национальным законодательством», поскольку «указанное положение работает против интересов России». Следовательно, его изъятие из конституционного текста «укрепит независимость Российской Федерации в правовой сфере, вернет ее к лучшим традициям отечественного судопроизводства»[1]. В свою очередь, Президент России В.В. Путин во время встречи с представителями думских фракций в Ялте в августе 2014 г. заявил, что Россия может выйти из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), если тот продолжит принимать решения, которые российские власти считают политизированными[2].

Публичное и частное право. Утвердившееся в качестве аксиоматического для романо-германской правовой семьи деление права на публичное и частное противоречит как объективным законам логики (*право* как единое целое не может быть сведено к отдельным его частям: публичному и частному *праву* (курсив наш. — *Р.Р.*), так и общетеоретическому определению права как системы *общезначимых и общеобязательных* правил поведения. Более корректным представляется выделение в праве как в целостной системе сфер публично-правового и частноправового регулирования, дифференциация которых осуществляется по характеру юридически значимого интереса, реализуемого в процессе правового регулирования, и по методу правового воздействия на соответствующие общественные отношения. Таким образом, говоря о дисбалансе в контексте соотношения публичного и частного права, мы в первую очередь имеем в виду дисбаланс интересов субъектов, выступающих в качестве носителей того или иного правового статуса.

В отечественной теоретико-правовой науке государство традиционно рассматривается в качестве субъекта, творящего право, обеспечивающего его реализацию всеми участниками общественных отношений, а также закрепляющего перечень правонарушений и меры ответственности за них. Подобный подход основан на патримониальной концепции государства, в рамках которой последнее (государство) есть не что иное, как социо-территориальное владение госуда-

ря. При этом в качестве «политического тела» государя (собственно субъекта властной деятельности) может выступать как индивид (монарх, диктатор, партийный лидер), так и коллективное лицо (представительный орган, диктатура, хунта и т.п.). Соответственно субъективному интересу индивидуального либо коллективного «государя» придается публичный характер, а сам «государь» воспринимается в качестве центра публичности и носителя государственного суверенитета.

Политико-правовая система патримониального типа основана на отношениях субординации, в качестве субъектов которых, с одной стороны, выступает государство (в лице аппарата государственной власти), играющее роль повелителя, издающего руководящие предписания, и общество как субъект исполнения этих предписаний. В рамках подобного рода отношений тот, кто обладает властью, — тот обладает всем, что можно посредством властной деятельности получить. Прежде всего, это касается отношений, связанных с собственностью. Получается, что стремление к власти есть стремление к обладанию собственностью. При этом механизм овладения собственностью построен на принципе ее экспроприационного перераспределения от подвластных к властителям. В подобных условиях фискальный аппарат государства носит ярко выраженный принудительно-карательный характер.

В патримониальном государстве субъективный интерес лица, обладающего публичной политической властью, приобретает публичный характер. При этом зачастую возникает дисбаланс между субъективным публичным интересом и субъективным частным интересом. В качестве наиболее образного примера такого дисбаланса может быть приведена проблема, сложившаяся в сфере комплектования Российской армии. Руководство Вооруженных сил заявляет о недостатке квалифицированных военных кадров и настаивает на отмене отсрочек от воинской службы, предполагающих призыв в армию студентов и выпускников гражданских вузов. В качестве аргумента, как правило, приводится конституционное положение об обязательной военной службе граждан Российской Федерации (ч. 2 ст. 59 Конституции РФ), являющейся, по мнению отечественного генералитета, формой «отдания» гражданского долга и осуществления гражданской обязанности по защите Отечества (т.е. государства). Однако если рассматривать воинскую службу, осуществляемую в мирное время, как вид трудовой деятельности (аналогичный военной службе по контракту), то возникает логичный вопрос о соотносимости данных заявлений с положениями ст. 37, определяющей, что «труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду... Принудительный труд запрещен». С точки зрения гражданско-правовых и трудовых отношений, непонятно, почему за одну и ту же работу солдат срочной службы и воин-контрактник получают разную зарплату, почему в первом случае привлечение к службе носит принудительный характер. Ссылки на необходимость защиты Отечества малоубедительны, поскольку данный долг возникает у граждан в условиях военного времени, когда всей стране угрожает реальная опасность. В мирное время задача армии сводится к подготовке и переподготовке военных специалистов, а также содержанию кадровых подразделений, способных при введении военного положения в кратчайшие сроки развернуться в полноформатные вооруженные силы. В приведенном примере достаточно четко прослеживается коллизия субъективного интереса высшего военного руководства, лоббируемого федеральными полити-

ками и приобретающего в силу своего законодательного оформления публичный характер, и субъективный интерес частного характера, носителями которого являются призывники, а также их родные и близкие. Последние пытаются по мере сил оказывать противодействие государству в его стремлении реализовать соответствующие властные установки. Причем, не имея возможности легального противостояния с государством, носители частных интересов зачастую прибегают к средствам криминального характера.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в условиях патримониальных политико-правовых систем в качестве публичного интереса рассматривается субъективный интерес лиц, осуществляющих публичную политическую власть (либо имеющих реальные возможности влияния на процессы принятия властных решений). В подобном понимании право как возведенная в закон воля государства существует исключительно как публичная система. Сфера частноправового регулирования определяется на публично-правовом уровне. Государство обладает практически неограниченными полномочиями по вмешательству в сферу частных интересов. Коллизии, возникающие между публичными и частными интересами, рассматриваются в пользу публичных, а противоречие частного интереса публичному рассматривается как правонарушение.

Политическая система либертарного типа, формирующаяся в условиях социального правового государства, предполагает сочетание субординационных (власти-подчинения) и координационных отношений. При этом для второй группы отношений характерна качественно иная, по сравнению с патримониальной системой, расстановка субъектов. Система «государство — субъект-властитель — общество — субъект-подданный», меняется системой, в которой государство и общество выступают в качестве равноправных и равнообязанных партнеров. В системе подобного рода, строящейся по типу акционерного общества, государство уподобляется управленцу, избираемому из числа акционеров и подотчетного в своей деятельности собранию акционеров. Для того чтобы подобная система стала реальностью, необходимо, прежде всего, чтобы отношения собственности стали первичными по отношению к властеотношениям. Иными словами, чтобы получить властные полномочия, необходимо прежде состояться в качестве собственника. Соответственно качественным образом меняется понимание права. Продолжая носить публичный характер, право перестает быть инструментом реализации власти одних представителей социума над другими. Принцип равенства перед правом и законом предполагает равнообязанность по отношению к правовым предписаниям как со стороны представительных органов государственной власти, так и со стороны общества, делегировавшего этим органам свои полномочия по управлению общественными отношениями. Особенно важно в данном случае то, что управленческие отношения между партнерами предполагают равенство их субъективных интересов. В данном случае утрачивает смысл спор о приоритете публичных и частных составляющих права, поскольку именно с достижением основанного на компромиссе интересов баланса публичных и частных интересов, в конечном счете, связывается эффективность деятельности всего механизма правового регулирования.

[1] URL: http:top.rbk.ru/ politikus/26/02/2015eefbcf9a79472dbc123b5e (дата обращения: 25.09.2015).
[2] См.: Там же.